

Дело госпожи Люно. Ги де Мопассан

Жоржу Дювалю

Мировой судья, тучный мужчина, зажмурил один глаз и едва глядя другим, слушает истцов с недовольным видом. По временам он издает какое-то хрюканье, по которому заранее можно судить о его решении, и прерывает говорящих, задавая вопросы тонким, словно детским голоском. Он только что разобрал дело г-на Жоли с г-ном Петипа по поводу межевого столба, нечаянно перемещенного работником г-на Петипа во время пахоты.

Следующим он объявляет дело Ипполита Лакура, пономаря и торговца скобяным товаром, и г-жи Селесты-Сезарины Люно, вдовы Антима-Исидора Люно.

Ипполиту Лакуру сорок пять лет; он высок, худ, носит длинные волосы и выбрит, как полагается духовному лицу; говорит он медленно и нараспев тягучим голосом.

Г-же Люно на вид лет сорок. Она сложена, как атлет, и ее тело повсюду выпирает из узкого, облегающего платья. Над огромными бедрами выдается спереди необъятная грудь, а сзади жирные, как груди, лопатки. На толстой шее покоится голова с резкими чертами лица, а в голосе, зычном, хотя и высоком, слышатся нотки, от которых дрожат стекла и барабанные перепонки. Она беременна и выпячивает свой живот, огромный, как гора.

Свидетели защиты ожидают своего вызова.

Мировой судья начинает допрос:

— Ипполит Лакур, изложите ваши притязания.

Истец начинает:

— Значит, так, господин мировой судья. На святого Михаила будет уже девять месяцев, как госпожа Люно пришла ко мне раз вечером, едва лишь я отзвонил вечерню, и рассказала мне все как есть о своем положении, ну насчет своего бесплодия...

Мировой судья. Прошу вас, выражайтесь яснее.

Ипполит. Сейчас поясню, господин судья. Она, понимаете, хотела ребенка и просила моего участия в этом деле. Я был не против, и она пообещала мне сто франков. Все было уговорено и улажено, а теперь она отказывается платить. Я требую от нее при вас свои деньги, господин судья.

Мировой судья. Ровно ничего не понимаю. Вы говорите, она хотела ребенка? Как это так? Какого именно ребенка? Приемыша, что ли?

Ипполит. Нет, господин судья, нового.

Мировой судья. Что вы подразумеваете под словом «нового»?

Ипполит. Я разумею будущего ребенка, которого мы имели бы с ней вместе, ну, как если бы мы были муж и жена.

Мировой судья. Вы бесконечно меня удивляете. Ради какой же цели могла она вам сделать такое несуразное предложение?

Ипполит. Сначала и мне, господин судья, невдомек было, к чему ей это, и я тоже был немножко сбит с толку. Но так как я никогда ничего не делаю наобум, то захотел узнать, какие у нее к тому расчеты, и она мне их все выложила.

Значит, так. Супруг ее Антим-Исидор, которого мы с вами хорошо знали, преставился за неделю до того, и все его имущество должно было отойти обратно к его родне. Это было ей не по вкусу, особенно из-за его денег, — вот она и отыскала законника, который надоумил ее насчет родов на десятом месяце. Я хочу сказать, что если бы она разрешилась от бремени в течение десяти месяцев после кончины покойного Антима-Исидора, то ребенок считался бы законным и давал бы ей право на наследование.

Она тотчас же решила уладить дело и разыскала меня при выходе из церкви, как я уже имел честь вам изложить; ведь я законный отец восьмерых детей, которые все живы и из которых старший имеет бакалейную торговлю в Кане, в департаменте Кальвадос, и состоит в законном браке с Виктуар-Элизабет Рабу...

Мировой судья. Эти подробности излишни. Вернемся к делу.

Ипполит. Слушаю, господин судья. Так вот она мне и говорит: «Ежели у тебя выйдет, я дам тебе сто франков, как только удостоверю у доктора, что я затяжелела».

Ну, так, значит, господин судья, я и взялся за работу, чтобы ее удовлетворить. Месяца через полтора-два я с удовлетворением узнал об успехе дела. Но когда я спросил было свои сто франков, она мне отказала. Я требовал их снова и на все лады, но не получил ни гроша. Она обозвала меня даже флибустьером и неспособным, а стоит лишь поглядеть на нее, сразу видно, что дело обстоит совсем по-другому.

Мировой судья. Ответчица Люно, что вы можете сказать?

Госпожа Люно. Я скажу, господин мировой судья, что этот человек — флибустьер.

Мировой судья. Какие доказательства вы можете привести в подтверждение сказанного?

Госпожа Люно (багровая, задыхающаяся, несвязно). Какие доказательства? Какие доказательства? У меня их сколько угодно, и при этом самых настоящих, что ребенок не от него. Нет, не от него, господин судья, клянусь головой покойного мужа, что не от него.

Мировой судья. От кого же он, в таком случае?

Госпожа Люно (заикаясь от гнева). А я-то почему знаю, от кого? От всех, черт возьми. Да вот мои свидетели, господин судья, вот они все. Их шестеро. Допросите их, допросите, они скажут...

Мировой судья. Успокойтесь, госпожа Люно, успокойтесь и отвечайте, не волнуйтесь. Какие у вас причины сомневаться, что этот человек является отцом ребенка, которого вы ждете?

Госпожа Люно. Какие причины? У меня их сто против одной, сто, двести, пятьсот, десять тысяч, миллион и больше причин. После того уж, как я сделала ему это предложение, о котором вы знаете, и пообещала ему сто франков, я узнала, что он рогат, извините за выражение, господин судья, и что дети его вовсе не от него, ни один не от него.

Ипполит Лакур (спокойно). Все это — вранье.

Госпожа Люно (вне себя). Вранье! Вранье! Скажите на милость! А что жена его со всеми путается — провалиться мне, — со всеми! Да вот мои свидетели, господин судья. Допросите их!

Ипполит Лакур (хладнокровно). Вранье все это.

Госпожа Люно. Скажите на милость! А рыжие, это ты их, что ли, сделал, твоих рыжих?

Мировой судья. Прошу без личностей, или я буду вынужден принять строгие меры.

Госпожа Люно. Начала, стало быть, я сомневаться в его способностях; ну, думаю, две заручки, как говорится, всегда получше одной, и рассказала о своем деле Сезэру Лепик, вот ему, моему свидетелю. А он ответил: «К вашим услугам, госпожа Люно» — и оказал мне содействие на тот случай, если бы у Ипполита промашка вышла. Ну, а если бы и другие свидетели узнали, что я хочу заручиться наверняка, так их тут набралась бы целая сотня, пожелаю я только, господин судья.

Вот этот, высокий — его зовут Лука Шанделье, — прямо-таки клялся, что не к чему давать сто франков Ипполиту Лакуру, раз он не сделал больше, чем другие, которые ведь ничего за это и не спрашивают.

Ипполит. Незачем было тогда обещать деньги. Ведь я на них рассчитывал, господин судья. Да со мной ошибок и не бывает: сказано — сделано.

Госпожа Люно (вне себя). Сто франков! Сто франков! Сто франков за это, флибустьер, сто франков! А вот они ничего с меня не спросили, как есть ничего. Глядите, вот они все шестеро здесь. Допросите их, господин судья, уж они вам ответят, по совести ответят. (Ипполиту). А ну, попробуй-ка сказать, флибустьер, что они тебя не стоят! Их шестеро, но если бы я только захотела, их было бы сто, двести, пятьсот, сколько душе угодно, и все это задаром, флибустьер!

Ипполит. Да хоть бы их было все сто тысяч!..

Госпожа Люно. И сто тысяч, кабы я только захотела...

Ипполит. Как бы то ни было, но я свой долг выполнил... Наше условие от этого не меняется.

Госпожа Люно (хлопая обеими руками по животу). А ну, докажи, что это твое, докажи-ка, докажи, флибустьер! Попробуй!

Ипполит (спокойно). Возможно, что это столько же мое, сколько и другого. А все-таки вы обещали на мою долю сто франков. Вольно вам было потом соваться ко всякому встречному. Это ничего не меняет. Я бы и сам прекрасно справился.

Госпожа Люно. Это неправда! Флибустьер! Допросите моих свидетелей, господин судья. Они вам ответят по совести.

Мировой судья вызывает свидетелей защиты. Их шестеро; они смущены, краснеют, не знают, куда девать руки.

Мировой судья. Лука Шанделье, имеете ли вы основание предполагать, что являетесь отцом ребенка, которого носит в своем чреве госпожа Люно?

Лука Шанделье. Да, господин судья.

Мировой судья. Селестен-Пьер Сидуан, имеете ли вы основание предполагать, что являетесь отцом ребенка, которого носит в своем чреве госпожа Люно?

Селестен-Пьер Сидуан. Да, господин судья.

Четыре других свидетеля дают точно такие же показания.

Мировой судья после некоторого размышления произносит:

«Принимая во внимание, что хотя Ипполит Лакур имеет основание считать себя отцом ребенка, которого домогалась госпожа Люно, но и Лука Шанделье и другие имеют подобные же, если не более веские, основания претендовать на это же отцовство;

принимая также во внимание, что госпожа Люно первоначально обратилась за содействием к Ипполиту Лакуру, за каковое содействие было установлено с обоюдного согласия вознаграждение в сумме ста франков;

принимая одновременно во внимание, что хотя есть возможность предполагать полную добросовестность со стороны съера Лакура, тем не менее допустимо оспаривать его право брать на себя подобного рода обязательство, ибо истец состоит в браке и по закону должен сохранять верность своей супруге;

принимая сверх того во внимание, и т. д., и т. д.

Суд присуждает госпожу Люно к уплате 25 франков проторей и убытков съеру Ипполиту Лакуру за потерю времени и гнусное его совращение».

Примечания

Напечатано в «Жиль Блас» 21 августа 1883 года под псевдонимом Мофриньёз.